

Иван Алексеевич Бунин

ПРЕКРАСНЕЙШАЯ СОЛНЦА

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского.](#)

- Смерть, где жало твое? Воспомним, что сказала Она, прекраснейшая солнца, возлюбленному своему, представ ему в ту самую ночь, когда предали Ее тело могиле: не плачь обо мне, ибо дни мои через смерть стали вечны; в горнем свете навсегда раскрылись мои вежды, что, казалось, навсегда смежились на смертном моем ложе...

-- В лето господне тысяча триста двадцать седьмое синьор Франческо прибыл в город Авиньон в Провансе, в числе многих прочих, последовавших в изгнание за святейшим престолом. Через год же после того случилось, что он встретил на пути своей юной жизни донну Лауру и полюбил Ее великой любовью, приобщившей Ее к лику Беатриче и славнейших женщин мира. В тот год, в шестой день месяца апреля, в пятницу страстной недели, слушал он утреннюю службу в церкви Сэн-Клэр, в Авиньоне; и вот, когда, отстояв службу, вышел из церкви на площадь, глядя на других выходящих, то увидел донну Лауру, дочь рыцаря Одибера, юную супругу синьора Уго, коего достойный, но обычный образ не удержался в памяти потомства.

Он увидел ее в ту минуту, когда она показалась в церковном портале.

-- Та весна была в его жизни двадцать третьей, в Ее -- двадцатой. И если обладал он всей красотой, присущей юным летам, пылкому сердцу и благородству крови, то Ее юная прелесть могла почитаться небесной. Блаженны видевшие Ее при жизни! Она шла, опустив свои черные, как эбен, ресницы; когда же подняла их, солнечный взор Ее поразил его навеки.

Шестой день того апреля был сумрачный, дождливый, один из тех, каких всегда бывает немало ранней весной в Авиньоне, было и в то время, которое называется теперь древним и в котором все кажется прекрасным: и весеннее ненастье, и старый каменный город, потемневшим под дождями, все его стены, церкви, башни и холодная грязь узких улиц, и все люди, шедшие в них посередине, и вся их жизнь, и все дела и чувства.

- Это было в час крестной смерти господа нашего Иисуса, когда само солнце облачается в ретищем скорби.

На страницах Вергилия, своей любимейшей книги, с которой он никогда не расставался, которая лежала у его изголовья, он, в старости, пишет:

-Лаура, славная собственными добродетелями и воспетая мною, впервые предстала моим глазам в мою раннюю пору, в лето господне тысяча триста двадцать седьмое, в шестой день месяца апреля, в Авиньоне; и в том же Авиньоне в том же месяце апреле, в тот же шестой день, в тот же первый час, лето же тысяча триста сорок восьмое, угас чистый свет Ее жизни, когда я случайно пребывал в Вероне, увы, совсем не зная о судьбе, меня постигшей: только в Парме настигла меня роковая новость, в том же году, в девятнадцатый день мая, утром. Непорочное и прекрасное тело Ее было предано земле в усыпальнице Братьев Меноритов, вечером в день смерти; а душа Ее, верю, возвратилась в небо, свою отчизну. Дабы лучше сохранить память об этом часе, я нахожу горькую отраду записать о нем в книге, столь часто находящейся перед моими глазами; должно мне знать твердо, что отныне уже ничто не утешит меня в земном мире. Время покинуть мне его Вавилон. По милости божьей, это будет мне нетрудно, памятуя суетные заботы, тщетные надежды и печальные исходы моей протекшей жизни...

Пишут, что в молодости он был силен, ловок, голову имел небольшую, круглую и крепкой формы, нос средней меры, тонкий, овал лица мягкий и точный, румянец нежный, но здоровый, темный, цвет глаз карий, взгляд быстрый и горячий. "Уже был он известен своим высоким талантом, умом, богатством знаний и неустанными трудами. Уже был одержим той беспримерной любовью, что сделала его имя бессмертным. Но жил, вместе с тем, всеми делами своего века, отдавал свой гений и на созидание всех благих его движений; в обществе отличался расположением к людям, прелестью в обращении с ними, блеском речи в беседах..."

Портрет в Авиньоне изображает его в зрелые годы: capitoлийские лавры, которыми он был коронован, как величайший человек своего века, благородный флорентийский профиль, взгляд, полный мысли и жизни...

В старости он пишет:

- Уже ни о чем не помышляю я ныне, кроме Нее: пусть же торопит Она нашу встречу в небе,